

ление и нарушившие 14 и 15 пр. Двукратн. Собора, были запрещены митр. Сергием в священнослужении и удалены от управления епархиями. Это запрещение было подтверждено митр. Петром. Однако, несмотря на запрещение, григорианские архиереи продолжали служить и управлять.

Подобное действие, согласно 38 пр. Карф. Собора, ставило их под церковную клятву и лишало возможности на дальнейшую апелляцию. Каждый, кто входил с ними в общение, подвергался той же самой клятве, которая налагалась церковною властью на григорианских епископов и рядовое духовенство за создание «иног алтаря».

Таково, собственно, настоящее существо григорианского раскола с точки зрения церковных канонов.

ЯРОСЛАВСКИЙ РАСКОЛ

Ярославский, т. н. иерархический откол официально заявил о своем существовании только в феврале 1928 года, т. е. с того момента, когда группа архиереев (5 иерархов) Ярославской епархии объявила митр. Сергию о своем отходе от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и образовала известную среди российского епископата и духовенства «Ярославскую церковную область». Но корни, породившие этот раскол, имеют свое фактическое начало гораздо раньше. Они тесно связаны с именем митр. Агафангела (Преображенского) и начинаются с весны 1926 года. С этого момента мы и проследим возникновение вышеуказанного раскола.

Митр. Агафангел (в мире Александр Лаврентьевич Преображенский) родился 27 сентября ст. ст. 1854 года в семье священника Тульской губернии.

С юных лет воспитанный своими родителями в послушании вере Христовой и в строгом исполнении церковных обрядов, он горел неотъемлемой любовью к священному сану. К нему стремилась его детская душа и жаждало его нежное сердце. В его детском, еще не окрепшем уме создавалось убеждение, что самое высшее служение для Церкви есть служение в священном сане.

Отроком он поступает в духовное училище, где желание его быть священником все больше и больше возрастает и принимает более устойчивую форму. В горячей уединенной молитве к Богу он просит Господа сподобить его быть служителем св. Алтаря.

«Живо помню я, — говорил о своих отроческих порывах митр. Агафангел в своей речи при наречении во епископа, — как я, будучи еще учеником низшей духовной школы, любил часто и долгу оставаться на кладбище и здесь, среди могил и крестов, — этих безмолвных, но красноречиво свидетельствующих знаков, что вся персть, вся пепел, вся сень, — со слезами на глазах молил Господа, чтобы Он, Милосердный, во время благопотребное сподобил меня быть служителем алтаря и приносить бескровную,

умилостивительную жертву за скончавших свое земное странствование»¹.

Когда окончились годы его пребывания в духовном училище, ему представилась полная возможность поступить в одно привилегированное столичное учебное заведение. Но он, несмотря ни на какие советы, ни даже убеждения и принуждения близких ему людей, а возможно и родителей, решительно отказался от этого предложения. Душа его тяготела к духовному рассаднику, и он в 1871 году поступает в Тульскую духовную семинарию.

Но здесь, в стенах духовной школы, стремящийся всей душой к священству, юноша впервые встретился с искушениями мира. Естественные науки, с которыми ему пришлось неожиданно соприкоснуться, пленили его ум и охладили в нем горячее желание служить Церкви Христовой в священном сане. На смену прежнему желанию появилось другое — желание стать врачом телесным. Последнее настолько охватило его сердце, что он готов был уже оставить духовную семинарию и поступить в высшее светское учебное заведение. Но пути Божии неисповедимы. Он внезапно заболевает и на целый год прекращает всякие занятия. Это было первое Божие предостережение. Однако мысли стать врачом не покидают его. Когда он поправился от болезни, то снова стал думать о светском пути. И, быть может, в какое-то время юноша осуществил бы свои заветные мысли, если бы не последовало новое испытание и предостережение. У него умирает отец, и это заставило его изменить всякие планы и подумать об осиротевшей семье. Он соглашается быть преемником своего отца в звании сельского пастыря. Но промысл Божий изменил его намерение и уготовил ему иной путь. Неожиданно для него самого он, как лучший и примерный ученик, был направлен для получения высшего богословского образования в Московскую духовную академию под покров прп. Сергия Радонежского.

В стенах высшей духовной школы и обители преподобного укрепились в нем прежние желания — стать священником. Теперь вопрос сводился только к одному: как воспринимать сан духовный — женатому ли, или же в иноческом чине? В решении этого сложного вопроса он прибегал к молитвенной помощи прп. Сергия и, находясь у мощей преподобного, часто размышлял о своем пути. Внутренний голос внушал ему избрать иноческий путь и остаться в обители, но мир с своими прелестями заглушил в нем этот голос и расположил его вступить на брачную стезю.

«Живо помню, — рассказывал о себе святитель иерархам, участвовавшим на его наречении во епископа, — как часто, благоговейно склоняясь пред нетленными мощами радонежских подвижников, как часто я помышлял: добро есть zde быти, не остаться ли в стенах обители? — и какой-то таинственный голос мне внушал: «добро есть zde быти, останься, останься здесь». Но — увы!

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям», 1899 г., № 49, стр. 1498.

не внял я этому гласу, не послушал внушения. Молодость, заманчивые и обманчивые обольщения мирской суеты предъявляли свои права и требовали дани, — и я заплатил ее»¹.

В 1881 году, окончив блестяще духовную академию со степенью кандидата богословия, он получает назначение на должность учителя латинского языка в Раненбургское духовное училище. Здесь молодой учитель трудится немного — 7 декабря 1882 г. его избирают и утверждают в должности помощника смотрителя Скопинского духовного училища. Знаменательно, что в духовных низших школах он впервые познакомился с вопиющими нуждами, какие испытывали дети духовенства, и научился сострадать этим нуждам².

На этом поприще его постигает тяжелое испытание: после 11-ти месячной счастливой супружеской жизни он одновременно теряет и жену, и сына. Событие это повергает его в невыразимую скорбь и в то же время воскрешает в нем забытый им путь иноческой жизни.

«Оставляя храм науки, — вспоминал святитель, — я оставил и святилище обители и пошел скитаться по стогнам градов и весей. И Бог знает, сколько бы скитался я, если бы Провидению не угодно было послать мне тяжелое испытание: после одиннадцатимесячной супружеской жизни я разом потерял и жену, и сына. И только тогда, убитый горем, снедаемый чувством безысходной скуки, горького сиротства и бесприютности, чувствуя себя как бы лишним на свете, выброшенным из жизни, лишенным пристанища, я понял, что жизненный путь, избранный мною, — не мой жребий, и, стоя над двумя еще не остывшими трупами, я спросил себя: неужели же еще и еще нужно усиливаться поймать летучие тени, гоняясь за призраками минутных, обманчивых наслаждений? О нет, довольно... В этом посещении Божиим, в этом сильном приражении скорби к моему сердцу я уразумел особенное звание Божие. И вот блеснул забытый в суетах жизни, заслоненный лживыми образами мира, но никогда не угасающий, благодатный свет Христов и осветил мои думы, мои чувства и страдания, — осветилось все: и душа, и жизнь. Тогда, преклоняясь пред неисповедимую волею Божию, я поспешил оставить мир, взять свой крест и приобщиться к лику иноческому»...³.

7 марта 1885 года над ним совершили постриг с именем Агафангела, а 10 марта рукоположили во иеромонаха.

В звании помощника смотрителя Скопинского училища он трудился еще год и несколько месяцев.

7 декабря 1886 года иеромонах Агафангел был назначен инспектором Томской духовной семинарии, с возведением в сан игумена, а 28 февраля 1888 г. определен ректором Иркутской духовной семинарии, с возведением в сан архимандрита.

В Иркутскую семинарию он прибыл 20 марта и приступил

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям», 1899 г., № 49, стр. 1498.

² Там же, стр. 1499.

³ Там же, стр. 1498.

к созданию доброго порядка в духовной школе. Он вникал во все стороны семинарского быта и тщательно изучал его. Отдаваясь всецело выполнению своего долга, о. архимандрит ничем так не дорожил, как действительными успехами и благоустройством вверенного ему заведения¹.

Своим самоотвержением и любовью к семинарскому делу он снискал доверие и благорасположение как среди воспитанников, так и своих сослуживцев².

Сам же он, соприкасаясь с семинарским бытом, научился ценить труды скромных тружеников в деле просвещения духовного юношества и убедился, как трудно создать добрый порядок в учебных заведениях при их материальной необеспеченности³. Пройденный им жизненный путь от простого учителя духовного училища до начальника средних духовно-учебных заведений выработал в нем твердость духа и незаурядные административные способности. Это было замечено Высшей Церковной Властью, которая и призвала его к архиерейскому служению.

9 сентября 1889 г. в г. Иркутске в крестовой архиерейской церкви, в присутствии архиеп. Иркутского и Нерчинского Вениамина (Благонравова) и еп. Селенгинского Макария (Дарского) архимандрит Агафангел был наречен епископом Киренским, 2-м викар. Иркутской епархии, а 10 сентября в Иркутском Вознесенском монастыре совершена его хиротония во епископа.

В течение четырех лет неутомимо трудился еп. Агафангел в пределах Иркутской епархии.

В 1893 году 17 июля он был переведен в Тобольск. Здесь он с обычной ему энергией трудился не только как епархиальный архиерей, но и как миссионер. Из года в год он предпринимал далекие и долгие поездки по сибирской епархии, обозревая свою паству, и приносил ей не только слово утешения, но и архипастырское участие в ее нуждах⁴.

4 октября 1897 г. из Сибири его переводят на другой конец России — в Ригу епископом Рижским и Митавским.

6 мая 1904 года он стал уже архиепископом.

С 13 августа 1910 года архиеп. Агафангел занимает Литовскую и Виленскую кафедру.

7 мая 1912 г. за усердное служение Христовой Церкви он был награжден бриллиантовым крестом для ношения на клобуке.

22 декабря 1913 года, после трехлетнего пребывания на Литовской кафедре, его назначают архиеп. Ярославским.

В апреле 1917 года он был возведен в сан митрополита Ярославского и Ростовского.

Как один из видных и стойких иерархов с твердым характером, он был избран в постоянные члены Священного Синода при Патриархе.

¹ Прибавл. к «Церковным ведомостям», 1899 г., № 49, стр. 1498.

² Там же, стр. 1497.

³ Там же, стр. 1499.

⁴ Приб. к «Церк. ведом.», 1894 г., № 49, сур. 17—47.

В 1922 году 3 мая Патриарх Тихон, ввиду невозможности самому управлять Русской Церковью, передал ему патриаршее право и обязанности.

Митр. Агафангел управляет Русской Церковью немного — в конце мая в том же году он, по независимым от него причинам, лишается не только этой возможности, но даже и управления своей Ярославской епархией.

Святейший Патриарх Тихон в своем завещании от 25 декабря 1924 (7 янв. 1925 г.) поставил его вторым кандидатом в Патриаршие Местоблюстители.

Таков, собственно, духовно-нравственный облик митр. Агафангела. Личность, как видим, довольно авторитетная. С ней-то и связан тесно указанный выше раскол. Как же это произошло, или какие причины способствовали видному иерарху встать на путь раскола? Проследим все по порядку.

5/18 апреля 1926 года митрополит Ярославский Агафангел, возвращаясь (после четырехлетнего отсутствия) в епархию из Перми, обратился к духовенству и мирянам с таким посланием:

«Всем Архипастырям, пастырям и верным чадам
Церкви Российской.

«Благодать вам и мир от Бога Отца
нашего и Господа Иисуса Христа».
(Рим. 1. 7).

Святейший Патриарх Тихон, устраненный обстоятельствами времени от управления Российской Церковью, грамотой от 3 мая 1922 года, патриаршее право и обязанности, впредь до созыва 2-го Всероссийского Поместного Собора, передал нашему смиреннию. Но по независимым от нас причинам, мы не могли в то время выполнить этого патриаршего поручения. Этим моментом воспользовались безответственные лица и самовольно, по властолюбию, захватили пастырский жезл Русской Церкви.

И хотя Святейший Патриарх Тихон, как освобожденный потом гражданской властью, снова вступил в управление нашей Церковью, эти лица не захотели оставить своего властолюбивого своеволия и тем внесли в Церковь нестроение и раскол.

Разделения и раздоры в управлении церковном не прекратились и со смертью Патриарха Тихона, когда вступил во временное управление Церковью Митрополит Крутицкий Петр, как один, имевший в то время возможность осуществить распоряжение Святейшего Патриарха Тихона на случай его смерти. По определению Собора 1917—1918 гг., в случае кончины Патриарха, в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, каковым в настоящее время является наше смирение. И Святейший Патриарх Тихон в послании своем от 15 июля 1923 г. соизволил указать «в точном соответствии с постановлением Собора, установившего порядок Патриаршего управления в Русской Церкви, с определением со-

старшего при нас Священного Синода от 7 ноября 1920 г. призвали мы за благо передать на время нашего удаления от дел всю полноту духовной власти назначенному нами заместителю нашему Митрополиту Ярославскому Агафангелу, с тем, чтобы им был созван Поместный Собор Российской Церкви для суждения о вышнем управлении Церковью (28) и о других церковных нуждах, против чего, как нам было сообщено, не возражала и гражданская власть». А посему, на основании а) указанного определения Собора, б) грамоты Патриарха Тихона от 3 мая 1922 г., в) послания его же от 15 июля 1923 г. и г) его же распоряжения на случай своей кончины от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 г.), мы, имея в настоящее время осуществить возложенные на нас обязанности Патриаршего Местоблюстителя, вступили в управление Православной Российской Церковью.

Оповещая о сем, мы приглашаем вас, возлюбленные о Христе Архипастыри и пастыри, всех истинно-верующих чад Православной Церкви Христовой и тех, кто уклонился от нее — забыть всякие разномыслия и споры, объединиться вокруг восстанавливаемого нами «Патриаршего Священного Синода», получившего свое бытие от Первого Всероссийского Поместного Собора (1917—1918 гг.) и, следовательно, власти законной и канонической, приложить все старания и принять все меры к скорейшему созванию Второго Всероссийского Поместного Собора, который и направит корабль Российской Церкви по надлежащему курсу под водительством Небесного Кормчего — Главы Церкви Господа нашего Иисуса Христа.

Бог Мира и Любви, да пребывает между всеми нами.

Местоблюститель Патриаршего Престола смиренный АГАФАНГЕЛ,
Божией милостию Митрополит Ярославский.

18 апреля 1926 г.
г. Пермь».¹

Настоящим посланием, как видим, митр. Агафангел объявляет себя законным Патриаршим Местоблюстителем и вступает в управление Русской Православной Церковью.

Основанием для подобного действия он полагал:

1) свое старейшество по хиротонии, дававшее право, якобы по определению Собора 1917—1918 гг., на вступление в обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола на случай кончины Патриарха,

2) свое избрание Синодом от 7 ноября 1920 г. в первого Патриаршего Заместителя и подтвержденное затем Святейшим и

3) свою кандидатуру в Местоблюстители по завещанию Патриарха Тихона.

Основание, если рассматривать его только в самом себе без всякой связи с внешней действительностью церковной жизни, име-

¹ См. Правосл. Церковн. календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова. Под редакцией архиеп. Григория (Яцковского), стр. 27.

ет, несомненно, положительную силу для оправдания действий митр. Агафангела.

Старейший архиерей (хирот. 10 сент. 1889 г.), назначенный грамотой Святейшего от 3 мая 1922 г. заместителем Патриарха и избранный 2-м кандидатом в Патриаршие Местоблюстители по завещанию Патриарха — все это, при особых условиях, давало бы полное право митр. Агафангелу вступить в управление Русской Православной Церковью.

Но действительность, в которой оказался митрополит, поставила его действия под антиканоническую основу. Прежде всего утверждение митр. Агафангела о том, что в случае кончины Патриарха в права и обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший по сану и хиротонии иерарх, не подтверждается постановлениями Поместного Собора 1917—1918 гг. — в постановлениях Собора такого определения нет.

В определении Священного Собора о Местоблюстителе Патриаршего Престола от 28 июля (10 августа) 1918 г. говорится так: «По освобождении Патриаршего Престола, старейший из членов Священного Синода, после предварительного совещания с прочими членами Синода, незамедлительно созывает соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета» (п. 2).

«В соединенном присутствии, под председательством того же старейшего иерарха, члены Священного Синода и Высшего Церковного Совета тайным голосованием избирают Местоблюстителя из среды присутствующих членов Священного Синода, причем избранным считается получивший более половины избирательных голосов» (п. 3).

«...в случае же оставления Патриархом патриаршего престола или кончины, действует статья соборного определения о Местоблюстителе патриаршего престола. Права и обязанности Патриарха, как епархиального архиерея, переходят к Архиепископу Коломенскому и Можайскому». (п. 8. Примечание)¹.

Согласно указанным определениям, старейший иерарх, (причем из членов Священного Синода, имел право только созвать соединенное присутствие Священного Синода и Высшего Церковного Совета и быть председателем этого присутствия, но никаким образом не мог вступить без избрания в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

В этом отношении митр. Агафангел допустил грубую каноническую ошибку, когда утверждал противоположное и обосновывал этим свое действие.

Другие ссылки митр. Агафангела на грамоту и завещание Патриарха, которыми он пытается оправдать свое вступление в обязанности Патриаршего Местоблюстителя, теряют свою силу при соприкосновении с действительностью.

Не отрицается тот факт, что Патриарх Тихон своею грамотою

¹ См. Собрание определений и постановлений. Вып. 4. Приложение к «Деяниям» второе. Изд. Соборного Совета. Москва, 1918 г.

от 3 мая 1922 г. назначил своим заместителем митр. Агафангела и передал ему полноту патриаршей власти и что последний в завещании Патриарха был указан 2-м кандидатом в Патриаршие Местоблюстители. Но первое имело свою силу только при жизни самого Патриарха и носило временный характер — оно аннулировалось полностью с момента вступления Патриарха в 1923 г. в управление Церковью¹, а второе — при условии, если Патриаршее Местоблюстительство будет свободным. А оно не было вакантным. Обязанности Патриаршего Местоблюстителя выполнял, как нам известно, митр. Петр (Полянский), вступивший в управление Церковью, согласно завещанию Патриарха Тихона от 25 декабря 1924 года (7 января 1925 г.).

Правда, на тот момент, когда митр. Агафангел объявил о своем вступлении в управление Русской Церковью, митр. Петр находился в особых условиях жизни и был лишен физической возможности выполнять свои обязанности, но тем не менее права Патриаршего Местоблюстителя оставались за ним, и он фактически не только оставался, но и признавался русским епископатом законным и правомочным носителем патриаршей власти. Управление Русской Церковью митр. Петр совершал чрез своего заместителя митр. Сергия. Митр. Агафангел имел бы полное право возложить на себя обязанности Патриаршего Местоблюстителя при условии, если бы митр. Петр сам лично отказался от своих прав. Но этого как раз не было. Митр. Петр, лишаясь физической возможности стоять у кормила церковного управления, счел необходимым оставить за собой права Местоблюстителя. Мы не будем сейчас касаться того вопроса, насколько правильно или нет поступил в данном случае митр. Петр, об этом мы будем говорить ниже, нам важно теперь показать, что Патриарший Местоблюститель был налицо и что митр. Агафангел, объявляя чрез послание о своем вступлении в обязанности Патриаршего Местоблюстителя, поступил вопреки апостольским и соборным правилам. Фактически он вступил на путь раскола. В этом отношении интересно решить вопросы, что побудило митр. Агафангела встать на такой путь? Неужели ему не было известно о правах митр. Петра и его Заместителя? За отсутствием каких-либо определенных данных, проливающих свет на те побуждения, которыми руководился в своих действиях митр. Агафангел, ответить положительно конкретно на первый вопрос не представляется для нас возможным, поэтому мы ограничиваемся только вероятными предположениями.

Митр. Агафангел в течение 4-х лет (с 1922 по 1926 гг.) находился, как нам известно, вне своей Ярославской епархии. Он проживал где-то в сибирских краях как вольный житель. Удаленный от центра церковной жизни, он, естественно, мало был осведомлен о действительном положении Русской Церкви, а те сообщения, которые в какой-то мере могли проникать к нему извне, препод-

¹ См. Послание Патриарха Тихона от 15 июля 1923 г. Материалы по обновленческому расколу, кн. 2, стр. 173.

носились ему в совершенно искаженном виде. Горькие плоды подобных сообщений мы видели уже в деле митр. Петра, изложившего все это в своем послании от 1 января 1927 года.

Митр. Елевферий (Богоявленский) определенно утверждает, что митр. Агафангел находился под воздействием различных лиц, причем лиц, враждебно настроенных против Патриаршей Церкви. Он даже предполагает, что некоторые из них были скрытыми живоцерковниками, но не опознанными святителем¹.

В каком же свете эти лица представляли митр. Агафангелу положение церковных дел? Они, как можно предполагать, осведомили его в том, что митр. Петр лишен физической возможности управлять Церковью, а его Заместитель митр. Сергей не пользуется авторитетом: «в Церкви появились разномыслия, споры, близкие к смуте, а он — законный Местоблюститель, его ожидают в Церкви, ему Советская власть разрешает восстановить закрытый ею «Священный Патриарший Синод» и даже созвать 2-й Поместный Собор»². Все это говорилось и освещалось в надежде на то, что утомленный старец поверит им. И, как можно судить из послания, в котором автор указывает на церковные нестроения и на возможность созыва 2-го Поместного Собора, митр. Агафангел в какой-то степени верил сообщавшим ему лицам.

Под действием вышеуказанных сообщений у митр. Агафангела, — что вполне подтверждает его послание, — сложилось убеждение, что он, как имевший когда-то право на управление Церковью, сможет, за отсутствием митр. Петра, снова вступить в исполнение своих обязанностей как законный Патриарший Местоблюститель и устранить церковные нестроения. Препятствий к этому с чьей-либо стороны, как ему казалось, не будет.

Правда, пред ним встал вопрос о законных правах митр. Петра и его заместителя, о котором ему, несомненно, было известно. И с этой стороны предстояли затруднения. Однако вопрос этот он разрешил просто. Поскольку митр. Петр был лишен физической возможности управлять Церковью, а определение Собора 1917—1918 гг. о Местоблюстителе в примечании п. 8 говорило: «в случае нахождения Патриарха под судом его место в Священном Синоде и Высшем Церковном Совете заступает старейший из иерархов»³, то он (митр. Агафангел), как старейший иерарх, к тому же и как указанный в завещании Патриарха кандидат в Местоблюстители, имеет полное право, во исполнение определения Собора, заступить место Патриаршего Местоблюстителя.

Это одна сторона решения вопроса. Кроме этого, по мнению митр. Агафангела, ни митр. Петр, как передавший свои местоблюстительские права образованной им коллегии, ни его Заместитель не имеют никакой власти в церковном управлении и даже подлежат суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении Русской Церкви.

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви. Божие и кесарево. Париж, 1938 г., стр. 200.

² Там же, стр. 201.

³ См. Собрание определений и постановлений. Вып. 4.

Такое решение вопроса, казалось, не противоречило церковным канонам. Что именно так решил вопрос митр. Агафангел, это видно из его послания, в котором он ссылается на определение Собора, и из беседы с митр. Сергием¹.

Таким образом, митр. Агафангел вступил в исполнение своих обязанностей как Патриарший Местоблюститель не по какому-либо недоразумению, а с полным сознанием правоты своего дела.

Посмотрим, как же развивались дальнейшие церковные события и чем они кончились для митр. Агафангела.

Известие о том, что митр. Ярославский Агафангел объявил чрез послание от 5/18 мая 1926 г. о своем вступлении в управление Русской Церковью, быстро дошло до митр. Сергия. Последний, как исполнявший обязанности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, не мог не реагировать на выступление митр. Агафангела. В поступке и действиях митрополита, объявившего себя Патриаршим Местоблюстителем, митр. Сергей усмотрел прямое посягательство на законные права митр. Петра, ведущее к новому расколу в Церкви.

Вместе с тем вступление митр. Агафангела в управление Церковью ставило под вопрос как само Местоблюстительство митр. Петра, так и Заместительство митр. Сергия. Необходимо было срочно, с одной стороны, устранить всякую возможность на появление нового разделения в Церкви, а с другой — выяснить настоящее положение митр. Петра и свое личное.

С этой целью митр. Сергей незамедлительно пишет письмо к Местоблюстителю, в котором извещает его о том, что митр. Агафангел изъявил свою решимость — взять в свои руки управление Церковью².

Местоблюститель 9/22 апреля в письменной форме ответил ему, что «он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания его дела»³.

Между тем митр. Агафангел, возвратившись в г. Ярославль, счел нужным для себя оповестить особым письмом митр. Сергия о своем вступлении в обязанности Патриаршего Местоблюстителя и сделать распоряжение относительно возглашения своего имени за богослужением.

Письмо было написано 13/26 апреля 1926 г. за № 16 и вместе с посланием отправлено митр. Сергию.

В ответ на это письмо, с одной стороны, а с другой — желая указать настоящее положение церковных дел и незаконные притязания на управление Церковью самого митр. Агафангела, митр. Сергей 17/30 апреля пишет последнему письмо.

В нем он полностью приводит суждение митр. Петра (изложен-

¹ См. Обращение митр. Сергия к Управляющему Московской епархией от 11/24 мая 1926 года.

² Послание митр. Петра к архипастырям, пастырям и всем чадам Русской Православной Церкви от 1 янв. 1927 г., Архив М. М. № 10.

³ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 201.

ное им в письме к митр. Сергию 9/22 апреля) о Местоблюстительстве и об обязанностях, возложенных им на Заместителя. Что же касается передачи дел управления Церковью митр. Агафангелу, то по этому поводу в письме митр. Сергей высказался так: «Конечно, если бы Ваши (т. е. митр. Агафангела) притязания на местоблюстительство были для всех очевидны и бесспорны, я бы, (митр. Сергей) ни минуты не колебался передать Вам управление, несмотря на нежелание митр. Петра»¹.

Весьма характерным в письме является взгляд митр. Сергия на канонические права, как Местоблюстителя, митр. Агафангела. Он определенно высказывается, что эти права стали уже сомнительными, спорными. И что, следовательно, притязания митр. Агафангела на Местоблюстительство носят уже антиканонический характер. Интересно, чем же руководился и из чего исходил митр. Сергей в своих суждениях о местоблюстительских правах митр. Агафангела, которые он уже считал сомнительными? На этот вопрос дает ответ нам сам митр. Сергей. В своем письме от 2 января 1930 г. в ответ на «Отзыв» к митр. Кириллу, который и приводит в своем «Отзыве» вышеуказанный отрывок из письма митр. Сергия к митр. Агафангелу, он писал: «Не противоречит этому (т. е. самостоятельному управлению) и написанное мною митр. Агафангелу, что я отдал бы ему власть даже и вопреки желанию митр. Петра, если бы права митр. Агафангела были несомненны, т. е. если бы, например, в завещании Святейшего было указано, чтобы младший кандидат, при возвращении старшего, передавал ему власть. Сам митр. Петр при таком условии не поколебался бы уступить митр. Агафангелу»².

Следовательно, митр. Сергей в своих суждениях о правах митр. Агафангела руководствовался завещанием Патриарха Тихона, и если он подводил эти права под сомнение, то в этом отношении он исходил из сущности того же самого завещания, которое, действительно, ничего не говорило о тех условиях, при которых бы можно было младшему кандидату, на случай возвращения старшего, передавать свою власть. В данном случае митр. Сергей каноническую силу завещания Патриарха определил в объеме только одного из трех кандидатов в Патриаршие Местоблюстители, т. е. он признал, что полнота патриаршей власти, воспринятая первым, остается за ним даже при возвращении старейших кандидатов, указанных в завещании. И поскольку сила патриаршего завещания была фактически уже исчерпана митр. Петром, то права митр. Агафангела на Местоблюстительство подлежали сомнению.

На эту точку зрения первоначально встал и сам митр. Петр, когда в ответ на письмо своего Заместителя ответил, что он считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности...

¹ См. Отзыв от 30 окт. (12 ноября) 1929 г. митр. Кирилла на письмо митр. Сергия от 18 сент. 1929 г. Архив М. М. № 75.

² См. Архив М. М. № 75.

Получив письмо с таким взглядом на свои права, митр. Агафангел явно был смущен. Он не мог согласиться с теми доводами, которые приводил в своем письме митр. Сергей. Он почему-то был уверен, что последний неправильно понимает завещание Патриарха и что в силу этого он (митр. Сергей) не желает признавать законными его права на Местоблюстительство и отказывается передать ему власть управления. Тогда митр. Агафангел решил устроить личное свидание с митр. Сергием и во взаимной беседе выяснить основательно вопрос о своих правах на Местоблюстительство.

Встреча двух видных иерархов состоялась 30 апр. (13 мая) 1926 г.¹

Митр. Агафангел, как и следовало ожидать, начал свою беседу с вопроса о том, почему он (митр. Сергей) не желает признавать его законных прав на Местоблюстительство. На это митр. Сергей ответил, что он не находит никаких данных, подтверждающих каким-либо образом канонически его права на управление Церковью при существующем положении церковных дел.

И затем, в свою очередь, задал вопрос: «На каком основании он (митр. Агафангел) отменил в своей епархии возношение имени митр. Петра за богослужением?»

В оправдание своего распоряжения митр. Агафангел указал, как основание, на то, что митр. Петр передал свою власть коллегии и потому власти не имеет и даже подлежит суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении Русской Церкви.

На это митр. Сергей возразил митр. Агафангелу и указал, что деяние митр. Петра в устройении им коллегии практического применения не имело и не может быть приравнено к ереси и что, следовательно, власть как Патриаршего Местоблюстителя остается за ним.

Митр. Агафангел продолжал доказывать свои полномочия, ссылаясь на постановления Собора 1917—1918 гг., которые якобы ясно говорят в защиту его прав. И когда митр. Сергей возразил ему и сказал, «что наш (Русский) Собор нигде не говорит о праве старейшего быть Местоблюстителем после смерти Патриарха, митр. Агафангел с такой недопускающей сомнений уверенностью указал митр. Сергию на примечание к ст. 8 определения Собора 1917—1918 гг., якобы прямо говорящее о таких правах, что заставил митр. Сергия усумниться в своей памяти»².

Беседа кончилась тем, что митр. Сергей упросил митр. Агафангела отсрочить свое вступление в управление до окончания дела митр. Петра³.

Уступка митр. Сергия митр. Агафангелу вызвана, конечно, не убеждением Заместителя в законных правах митр. Агафангела,

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 201.

² Обращение м. Сергия к Управ. Моск. еп. от 11/24 мая 1926 г. См. Материалы по григорианскому расколу, стр. 14.

³ Там же, стр. 14. См. также Елевферий митр. Соборн. Церкви, стр. 201.

а двумя следующими причинами: во-первых, митр. Сергей желал проверить определения Собора, на которые с такой уверенностью ссылался митр. Агафангел в защиту своих прав, а во-вторых, он надеялся, что митр. Агафангел, «выйдя из атмосферы диспута, а потом, ознакомившись ближе с современной церковной жизнью, сам откажется от своего бесполезного для Церкви начинания»¹.

Оставшись наедине после беседы с митр. Агафангелом, митр. Сергей занялся проверкой постановлений Собора, и каково же было его удивление, когда он прочитал подлинный текст примечания, ничего не говорящий в пользу митр. Агафангела².

На основании подлинного текста определения Собора митр. Сергей пришел к такому выводу, что митр. Агафангел, убеждая его ссылкой на это определение, приводил справку, не проверив ее, и что таким образом он допустил непростительное легкое отношение к одному из серьезных вопросов церковной жизни³. Теперь уже не оставалось сомнений в том, что передача местоблюстительских прав не может произойти даже и после окончания дела митр. Петра.

В целях предупреждения об этом митр. Агафангела он 13/26 мая пишет ему письмо, в котором уведомляет его, «что Местоблюстительство... будет тогда свободным, когда митр. Петр сам откажется от него или будет лишен его церковным судом; тогда уже кандидатами будут митр. Кирилл, а вторым он, митр. Агафангел, без этого никто не вправе присваивать себе эту должность»⁴.

«Завещание Святейшего,— писал митр. Сергей,— хотя оно уже и использовано для своей цели (Местоблюстителя мы имеем), и теперь не утратило для нас своей нравственно, а пожалуй, и канонически обязательной силы. И если почему-либо митр. Петр оставит должность Местоблюстителя, наши взоры, естественно, обратятся к кандидатам, указанным в завещании, т. е. к митрополиту Кириллу и Вашему Высокопреосвященству. Это свое мнение я выражал уже письменно и раньше. Могу сказать, что таково же указание и митрополита Петра»⁵.

Митр. Агафангел, когда получил это письмо, крайне был огорчен таким неожиданным поворотом дела. Всего лишь несколько дней назад они условились, что он (митр. Агафангел) сможет воспринять власть Местоблюстителя после окончания дела митр. Петра, а теперь и эта возможность отнималась от него.

Выражая явно свое недовольство, митр. Агафангел 8/21 мая срочно телеграфирует митр. Сергию с открытым упреком его в том, почему он отказывается передать ему должность Патриаршего Местоблюстителя⁶.

¹ Обращение митр. Сергея к Управ. Моск. еп. от 11/24 мая 1926 г. См. материалы по григорьянскому расколу, стр. 14.

² Там же, стр. 14.

³ Там же, стр. 14—15.

⁴ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 201.

⁵ Там же, стр. 204.

⁶ Там же, стр. 201.

Но митр. Сергей в ответ на телеграмму предпринимает ряд срочных мероприятий, направленных к пресечению притязаний митр. Агафангела на Местоблюстительство.

10/23 мая он, опираясь на Собор более 25 православных архиереев, пишет письмо митр. Агафангелу и в решительных тонах просит его отменить свое послание, отказаться от своих незаконных притязаний на Местоблюстительство и, как доказательство такого отказа, сделать распоряжение по всей Ярославской епархии о возношении имени Местоблюстителя митр. Петра и самому при первом своем служении возобновить такое возношение. В противном случае он вынужден будет применить к нему канонические меры прещения — устранить его от управления Ярославской епархией и передать оное архиеп. Угличскому Серафиму (Самойловичу)¹.

Письмо митр. Сергея с вытекающими из него последствиями, доставленное, очевидно, в этот же день, имело неотразимое действие на сознание митр. Агафангела. Последний пришел к такому выводу, что его стремление удержать за собой Местоблюстительство может, с одной стороны, лишить его возможности управлять епархией, а с другой — привести к еще большему церковному нестроению, которое он думал устранить своим авторитетом. Это побудило его дать свое согласие на воздержание от всяких выступлений и сделать распоряжение о возношении имени Местоблюстителя митр. Петра.

О своем согласии он телеграфно 11/24 мая известил митр. Сергея следующим содержанием: «Продолжайте управлять Церковью. Я воздержусь от всяких выступлений. Распоряжение о поминовении Митрополита сделаю, так как предполагаю ради мира церковного отказаться от Местоблюстительства»². Телеграмма была отправлена из Ярославля в 9 час. 19 мин. утра.

Митр. Сергей, не дожидаясь ответа на свое письмо от 10/23 мая, в тот же день, в который митр. Агафангел отправил на его имя телеграмму, т. е. 11/24 мая, определив тяжесть преступления митр. Агафангела против единства церковного, предал последнего суду православных архиереев и через Управляющего Московской епархией, еп. Серпуховского Алексия (Готовцева), для выяснения меры наказания виновному обратился к архиереям, пребывающим в Москве, с таким, нижеследующим письмом:

«Преосвященному Управляющему Московской епархией.

5/18 апреля с. г. Митрополит Ярославский Агафангел выпустил в Перми послание, в котором неожиданно для всех объявил себя Патриаршим Местоблюстителем и о том, что он вступил в управление Российской Церковью.

Неожиданность такого выступления могла равняться разве только с неосновательностью притязаний автора послания.

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 202. См. также обращен. митр. Сергея к Управ. Москв. епарх. от 11/24 мая 1926 г.

² Телеграмма 24/5—9—26 № 189. См. также Елевферий митр. Соборн. Церкви, стр. 202.

Он уверенно говорит, что по определению Собора 1917/1918 гг. в случае кончины Патриарха в обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола вступает старейший иерарх. Между тем такого определения Собора совершенно нет.

Но с не меньшей уверенностью он указывает и на грамоту Свят. Патриарха от 3 мая 1922 г., которой он назначен Заместителем Святейшего (при его жизни, а не Местоблюстителем по смерти). Но грамота эта потеряла силу свою еще в момент возвращения Святейшего к управлению в 1923 г., как об этом ясно говорит послание Святейшего от 15 июля 1923 года.

Наконец, митрополит Агафангел в послании своем глухо ссылается на завещание Святейшего от 15 января 1924 года, якобы назначающее его Местоблюстителем, но потому и не приводит подлинного текста завещания, что оно говорит против его притязаний, может занять эту должность только тогда, когда она окажется свободной. Но будучи вполне неосновательным по существу, вступление митр. Агафангела является канонически незаконным и формально. Каковы бы ни были права митр. Агафангела на местоблюстительство, у нас уже есть законный и всеми признанный Местоблюститель митр. Петр.

Не обличая последнего ни в чем противном благочестию и правде и не присудив его к увольнению от Местоблюстительства объявлять себя Местоблюстителем равносильно «алтарь иной водрузити» (ап. пр. 31); и есть дело или любоначала, не терпимого в служителях Церкви, или же крайнего легкомыслия, не дающего себе отчета в последствиях своих действий.

Совершив таким образом через выпуск своего послания нарушение целого ряда канонов (Апост. 31, 34, 35; Антиох. 9, 13 и пр. аналогичные им), митр. Агафангел и внешним образом выразил свой разрыв с Местоблюстителем, прекратив возношение имени митр. Петра за богослужением. Правда, в своей беседе со мною он указывал и основание к тому: митр. Петр передал свою власть коллегии и потому власти не имеет и даже подлежит суду за нарушение соборного постановления о единоличном возглавлении нашей Русской Церкви. Но так как деяние митр. Петра практических последствий не имело и не может, с другой стороны, приравнено быть к ереси, то митр. Агафангел явно учинил раскол прежде соборного оглашения и совершенного осуждения митр. Петра, а по 15 пр. Двук. Собора «таковому святыи Собор определит быти совершенно чужду всякого священства». При нашей личной беседе на мои возражения, что наш Собор нигде не говорит о праве старейшего быти местоблюстителем после смерти Патриарха, митр. Агафангел с такой недопускающей сомнений уверенностью указал мне на Примечание к ст. 8 определения Собора 1917—1918 гг. (сборн. вып. 4. 7—8), якобы прямо говорящее о таких правах, что я усумнился в своей памяти и вынужденным себя печая войти с ним в соглашение об отсрочке его вступления во власть до окончания дела митр. Петра.

Правда, при этом руководила мною надежда, что митр. Ага-

фангел, выйдя из атмосферы диспута, а потом и ознакомившись ближе с современной церковной жизнью, сам откажется от своего бесполезного для Церкви начинания. Каково же было мое удивление, когда, прочитав подлинный текст примечания, я убедился, что он говорит прямо противоположно тому, что в нем заставляли предполагать слова митрополита Агафангела. Если он сам проверил справку, которой с такой уверенностью хотел меня убедить, значит, он сознательно прибег к подложным данным. А так как предполагать этого нельзя, значит он приводил свою решающую справку не проверив ее, что говорит о непростительно легком отношении к одному из серьезных вопросов нашей церковной жизни. Но какое бы объяснение такой странности ни приводить, все равно она дает тон, усугубляющий ответственность за учиненное митрополитом нарушение канонов. Так как соблазнительность поступка тем больше, чем выше и значительней лицо, совершившее проступок, то и деяния митр. Агафангела, как старейшего из митрополитов, произведут величайший соблазн в церковном обществе и дадут богатую пищу врагам нашей веры для издевательств и без того обуреваемой Православной Церкви.

Ввиду вышеизложенного и во исполнение лежащего на мне долга первого епископа блюсти в Русской Церкви благочиние, я властью мне данною предаю митр. Ярославского Агафангела суду архиереев за нарушение правил Апостол. 34, 35, 31; Антиох. 9, 13; Двукр. 15 и первой половины 16, аналогично угрожающих виновному лишением священного сана.

Что касается применения к подсудимому какой-либо меры, то в последнем своем письме митр. Агафангелу от 10/23 мая я убеждал его отказаться от своих незаконных притязаний на местоблюстительство и в виде доказательства такого отказа сделать по епархии распоряжение о возношении имени Местоблюстителя митр. Петра и самому при первом своем служении возобновить такое возношение. В случае неподчинения я тем же письмом устраняю его от управления Ярославской епархией, поручая последнее архиепископу Угличскому Серафиму. Теперь я бы предлагал архипастырям в случае подчинения митр. Агафангела не применять к нему какой-либо ограничительной подсудной меры. Если же подсудимый останется непреклонным, я просил бы решить, достаточно ли одного устранения от управления епархией или ввиду тяжести нарушения канонов и размеров произведенного соблазна, наложить на митр. Агафангела запрещение в священнослужении впредь до решения его дела судом архиереев.

Вышеизложенное благоволите сообщить пребывающим в Москве архипастырям с просьбой выразить письменно на сем же свое решение каждому с собственноручной подписью.

За Патриаршего Местоблюстителя СЕРГИЙ,
Митрополит Нижегородский.

11/24 мая 1926 года».

Как показывает содержание письма, митр. Сергей в своих мероприятиях против могущего возникнуть разделения от предъявляемых митр. Агафангелом прав на Местоблюстительство действует весьма осмотрительно. Он не сразу подвергает церковному наказанию митр. Агафангела и не желает делать это единолично, а сначала предоставляет православным архиереям вынести свой суд о его действиях и только после этого окончательно применить к нему то или иное решение.

Письмо митр. Сергия еп. Алексей препроводил еп. Серафиму (Силичеву) с такой резолюцией от 13/26 мая 1926 г.: «Прошу еп. Серафима Рыбинского собрать мнения по данному вопросу Архиереев, пребывающих в г. Москве. Алексей, еп. Серпуховский»¹.

В то время, как велась принципиальная переписка между митр. Сергием и митр. Агафангелом, а еп. Серафим собирал мнения архиереев по вышеуказанному вопросу, митр. Петр на пути следования к своему местожительству в г. Тобольск, из Перми, 9/22 мая написал митр. Агафангелу официальное письмо, которым он просил его для блага Церкви и для устранения раздоров в ней принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, причем указал, что вопрос об окончательной передаче этих обязанностей он предполагает выяснить по возвращении митр. Кирилла, которому в марте—апреле истекает срок пребывания вне епархии.²

В этом же письме, если только верить григорианскому епископу Борису (Рукину), митр. Петр писал: «А от митр. Нижегородского Сергия права Патриаршего Местоблюстителя я отнимаю с тем, чтобы митр. Сергей выдал немедленно Советской Власти свой письменный отказ от прав Патриаршего Местоблюстителя»³.

Письмо это митр. Агафангел получил 18/31 мая.

Ознакомившись с его содержанием, он решил пригласить в Москву митр. Сергия с тем, чтобы лично предъявить ему подлинник письма и в его присутствии произвести совещание с некоторыми архиереями, пребывающими в Москве. С этой целью митр. Агафангел обратился к митр. Сергию с письмом и просил его прибыть в Москву, указывая при этом на полученное им от митр. Петра извещение.

Но митр. Сергей, по неизвестной для нас причине, нашел нужным просьбу митр. Агафангела отклонить и не поехать в Москву.

Тогда митр. Агафангел, приняв 1 июня канцелярию Патриаршего Местоблюстителя, снял копию с письма митр. Петра и 4 июня препроводил ее митр. Сергию с письмом следующего содержания:

¹ См. Материалы по григорианскому расколу, стр. 13—16.

² Елевферий митр. Соборн. Церкви, стр. 202. См. также Послание м. Петра к архипаст., пастыр. и всем чад. Росс. Прав. Церк. от 1 янв. 1927 года.

³ Еп. Борис (Рукин). О современном положении Русской Православной Патриаршей Церкви, Москва, 1927 г., стр. 14.

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Сергию, митрополиту Нижегородскому.

31 мая с. г. мною получено официальное письмо от Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего митрополита Петра, датированное 22 числом мая, о Его полном согласии на мое вступление в отправление обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Желая об этом его решении сообщить Вашему Высокопреосвященству лично и предъявить Вам подлинник письма, я позволил себе пригласить Вас в Москву, причем имел намерение по Вашем прибытии пригласить по соглашению с Вами некоторых из пребывающих в Москве иерархов на совещание, причем хотел, чтобы это совещание происходило именно в Вашем присутствии. Но Вы не изволили прибыть, и это совещание не состоялось. А посему, я обязываюсь послать Вам копию письма Высокопреосвященнейшего Петра и уведомить Вас, что 1 июня я принял канцелярию Патриаршего Местоблюстителя.

С искренним почтением и преданностью имею честь быть
Вашего Высокопреосвященства покорнейшим слугою
Агафангел, митрополит Ярославский.

4 июня 1926 г. г. Ярославль»¹.

Предполагал ли митр. Агафангел этим письмом отстаивать свои Местоблюстительские права, или же он хотел только оправдать свои выступления в связи с принятием канцелярии Патриаршего Местоблюстителя, так как он обещал митр. Сергию воздерживаться от всяких выступлений?

Нам думается, что вторая половина вопроса более правдоподобна, и она имеет свои положительные основания.

Выше мы уже видели, что митр. Агафангел 11/24 апреля заявил митр. Сергию о том, что он ради церковного мира предполагает отказаться от Местоблюстительства. Данное им слово он сдержал до того момента, когда им было получено письмо от митр. Петра, обязывающее его воспринять временное исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя.

Принимая канцелярию, он боялся, что этим самым нарушает данное им ранее слово, и для того, чтобы оправдать свой поступок и снять с себя всякую ответственность за нарушение обещания, митр. Агафангел пишет вышеуказанное письмо митр. Сергию, препровождая вместе с ним, как оправдательный документ, копию письма митр. Петра.

Правильность такого вывода подтверждается тем, что митр. Агафангел, спустя неделю после того, как принял канцелярию Патриаршего Местоблюстителя, а именно, 8 июня н. ст. 1926 года окончательно решил отказаться от Местоблюстительства, о чем и известил письменно гражданские власти.

¹ См. Православный Церковный календарь на 1927 г. Изд. Е. Н. Львова, под редакцией Архиеп. Григория (Яцковского), стр. 28.

Это же самое подтверждается и следующим фактом.

Митр. Петр, когда увидел, что митр. Кирилл (Смирнов) не возвратился и что сам он уже не имеет надежды снова вступить в управление Церковью, письмом своим от 9 июня н. ст. на имя митрополита Агафангела окончательно подтвердил ему передачу прав и обязанностей Патриаршего Местоблюстителя. Причем передача эта была обусловлена таким замечанием: «В случае отказа Вашего Высокопреосвященства от восприятия власти Местоблюстителя или невозможности ее осуществления, права и обязанности Патриаршего Местоблюстителя возвращаются снова ко мне, а заместительство к митрополиту Сергию»¹.

Принять обязанности Патриаршего Местоблюстителя митр. Агафангел, и в силу своего намерения, и по состоянию своего здоровья, отказался и на письмо митр. Петра 12 июня н. ст. ответил следующим письмом:

«Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнейшему
Петру, Митрополиту, Крутицкому.

Письмо Вашего Высокопреосвященства от 9 июня с. г. с подтверждением передачи Патриаршего Местоблюстительства нашему смирению, я имел честь получить. Искренно благодарю за выраженное Вами мне доверие. Но принять на себя обязанности Местоблюстителя Патриаршего Престола не могу в виду преклонности лет и расстроенного здоровья. При сем позволяю себе рекомендовать Вашей святине передать вместо меня Патриаршее Местоблюстительство первоиерархам Кириллу, митрополиту Казанскому или Арсению, митрополиту Новгородскому.

С глубоким уважением и неизменной преданностью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорнейшим
служугою Митрополит Агафангел.

12 июня 1926 г. Москва».

Окончательный отказ митр. Агафангела от местоблюстительства не оставляет никакого сомнения в том, что он, препровождая митр. Сергию письмо-копию митр. Петра, совершенно не имел в виду отстаивать свои права на Местоблюстительство, а только хотел этим оправдать свои действия в полном соответствии с данным им митр. Сергию обещанием 11/24 мая.

Итак, митр. Агафангел, «уклонившись от зла» (от раздоров и споров за Местоблюстительство), «сотворил благо» для мира церковного, оставаясь спокойно управлять Ярославской епархией до времени.

Интересно теперь выяснить, чем же закончились мероприятия митр. Сергия, направленные против митр. Агафангела.

Еп. Серафим Рыбинский, получивший указание от еп. Серпуховского Алексия собрать мнения архиереев, пребывающих

¹ Люперсольский Н. прот. Митр. Сергей — законный, канонический Заместитель Патриаршего Местоблюстителя. Изд-во Епархиальн. Совета. Вятка, 1928 г.

в Москве, относительно наложения меры наказания на митр. Агафангела за учиненный им раскол, постарался выполнить, в пределах возможностей, возложенное на него послушание. 24 архиерея, ознакомившись с обращением митр. Сергия от 11/24 мая по делу митр. Агафангела, вынесли свой суд в такой форме:

«Местоблюстителем Патриаршего Престола Российской Православной Церкви признан всем православным епископатам митрополит Крутицкий Петр. Этой должности митр. Петр может быть лишен только судом православных епископов за какое-либо преступление. Митр. Петр под церковным судом не состоит. Поэтому притязание митр. Агафангела занять место митр. Петра, как Патриаршего Местоблюстителя, явно незаконное и преступное с церковной точки зрения. Высокопреосвященный митр. Сергий, как Заместитель Патриаршего Местоблюстителя, действует вполне правильно, не передавая церковной власти митр. Агафангелу.

Вполне закономерно решение Заместителя предать суду православных епископов митр. Агафангела за нарушение им прав. Апост. 34, 35, 31; Антиох. 9, 13 и др.

В виду того, что 11/24 мая с. г. митр. Агафангел предан суду церковному за весьма важное церковное преступление — нарушение церковного мира и неподчинение главе Церкви в лице Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергия, считаем невозможным дальше оставлять и просим митр. Сергия лишить его этого права впредь до решения его дела судом епископов.

Если же митр. Агафангел не обратит внимания на последнее предупреждение митр. Сергия, выраженное в его письме от 10/23 мая с. г., в котором он предлагает митр. Агафангелу отказаться от притязаний на Местоблюстительство в Российской Православной Церкви, а по-прежнему будет стремиться стать Патриаршим Местоблюстителем, то в целях сохранения церковного единства и скорейшей ликвидации возникшего нового церковного раскола, считаем необходимым запретить митр. Агафангела в священнослужении».

Письменное решение архиереев о митр. Агафангеле было передано митр. Сергию, который 31 мая (13 июня) 1926 года наложил на нем следующую резолюцию:

«Согласно мнению большинства Преосвящ. Архипастырей митр. Агафангел, впредь до решения дела судом архиереев, должен быть устранен от управления Ярославской епархией, в случае же дальнейшего противления подлежит запрещению в священнослужении. Принимая во внимание, однако: 1) что митр. Агафангел телеграммой выразил готовность подчиниться церковной власти, 2) что дальнейшее его выступление находит для себя некоторое извинение в получении им письма митр. Петра, каковое письмо он добросовестно мог считать законным распоряжением, одобряющим его притязания, признаю возможным, не приводя в исполнение вышеуказанной подсудной меры, предложить еще раз митр.

Агафангелу в недельный срок по получении сего письма заявить о своем отказе от незаконных притязаний на местоблюстительство. При неисполнении сего требования митр. Агафангел будет подвергнут запрещению.

За Патриаршего Местоблюстителя
СЕРГИЙ, митр. Нижегородский.»

В этот же день, т. е. 13 июня, в завершение своего начатого дела, митр. Сергей отправил митр. Агафангелу письмо с предложением ему, согласно вынесенному о нем суду архиереев, окончательно отказаться от всяких притязаний на местоблюстительство.

Митр. Агафангел, отказавшись уже от своих прав на управление Русской Церковью, 17 июня н. ст. в ответ на письмо телеграфировал митр. Сергию:

«Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь и Отец.

В ответ на Ваше письмо от 13 июня с. г., полученное мною 17 июня, сообщаю Вашему Высокопреосвященству, что я по преклонности лет и расстроенному здоровью уже отказался от замещения должности Патриаршего Местоблюстительства, о чем и доложено мною Его Высокопреосвященству Местоблюстителю Патриаршего Престола Петру, митр. Крутицкому письмом от 12 сего июня и доведено до сведения Советской власти письмом от 8 июня.

С искренним уважением и братской о Христе любовью имею честь быть Вашего Высокопреосвященства покорным слугою. Агафангел, митрополит Ярославский.

17 июня 1926 г.

Ярославль».

Ответ митр. Агафангела, как нельзя яснее, свидетельствует о том, что решение архиереев запоздало и что митр. Агафангел отказался от местоблюстительства не в силу этого решения, а под действием глубоких размышлений, возникших у него от чтения письма митр. Сергия от 10/23 мая.

У кормила церковного корабля остался Заместитель Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергей.

Уместно теперь решить один весьма важный вопрос: канонично ли действовал митр. Сергей в отношении митр. Агафангела в защиту своих прав и сохранились ли эти права за ним после того, как митр. Петр передал свои полномочия митр. Агафангелу 22 мая 1926 г.?

События церковной жизни дают нам полное основание утверждать, что действия митр. Сергия против митр. Агафангела были каноничны.

Когда митр. Агафангел чрез свое послание и особым письмом к митр. Сергию объявил о своем вступлении в отправление обя-

занностей Патриаршего Местоблюстителя, то, естественно, он, при наличии Местоблюстителя митр. Петра, допустил антиканонический поступок и фактически вступил на путь церковного разделения

Правда, митр. Елевферий (Богоявленский) заявляет, что митр. Агафангел поступил так не потому, что стремился к власти, а потому, что считал для себя почти невозможным отказаться от воли Святейшего, видя в ней будто бы канонический долг пред Церковью¹. Но тем не менее признать подобный поступок каноничным ни в какой степени нельзя.

Завещание Патриарха не давало никакого права при наличии младшего кандидата воспринимать старшему власть без согласия младшего. И если митр. Агафангел поступил вопреки такому утверждению, то, естественно, он нарушил единство церковного управления.

При таком положении вещей митр. Сергию, как законному Заместителю Патриаршего Местоблюстителя, не оставалось иного выхода, как только выступить против подобных действий митр. Агафангела. Причем, сам митр. Сергей в отношении к митр. Агафангелу проявляет сугубо каноническое воздействие. Прежде всего, когда он узнал чрез послание о намерении митр. Агафангела вступить в управление, не сразу начал свое противодействие последнему, а сначала обратился к законному Местоблюстителю митр. Петру, и только после того, как митр. Петр ответил, что он (митр. Петр) считает обязательным для себя оставаться Местоблюстителем, хотя бы был и не на свободе, а назначенный им Заместитель несет свои обязанности до окончания его дела, митр. Сергей приступил к увещанию митр. Агафангела, а затем, когда последний проявлял несогласие, к более строгим каноническим прещениям.

О данном случае действия митр. Сергия против митр. Агафангела не вызывает никакого сомнения в их каноничности.

Подвергают сомнению именно тот момент, когда митр. Петр 9/22 мая официально передал свои права митр. Агафангелу, а митр. Сергия устранил от исполнения обязанностей, возложенных на него, как на своего Заместителя.

Нам известно, что митр. Сергей и после того, как митр. Агафангел сообщил ему 4 июня о решении митр. Петра, не желая признавать его прав на Местоблюстительство и рассматривая письмо митр. Петра только как оправдательный документ выступлений митр. Агафангела, продолжал требовать от последнего полного и окончательного отказа от притязаний на управление Церковью.

Интересно, что митр. Сергей в своих письмах к митр. Агафангелу (см. письмо от 3/16 мая) утверждал, что если митр. Петр сам откажется от своих прав, тогда кандидатами на местоблюстительство будут признаны митр. Кирилл и митр. Агафангел. Но

¹ Соборность Церкви, стр. 206—207.

теперь, когда митр. Петр формально отказался от своих прав в пользу последнего (митр. Агафангела), он как будто бы не желает признавать этих прав за митр. Агафангелом.

Не поступил ли митр. Сергей в данном случае антиканонично?

Вопрос этот тесно связан, с одной стороны, с отношением митр. Агафангела как к передаваемым формально Местоблюстительским правам, так и к митр. Петру, а с другой — с отношением митр. Сергия к распоряжениям Местоблюстителя, издаваемым в состоянии полной изоляции от управления Церковью.

Прежде всего необходимо отметить, что митр. Петр своим отношением от 9/22 мая фактически не передавал, а только упрощал митр. Агафангела принять на себя исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя; вопрос же об окончательной передаче этих обязанностей он отложил до выяснения дела митр. Кирилла (см. Послание митр. Петра от 1 янв. 1927 г.).

От этой просьбы, или временного исполнения обязанностей Патриаршего Местоблюстителя митр. Агафангел отказался, причем отказался прежде окончательного над ним суда православных архиереев. Это одна сторона дела. Другая и более важная сторона, оправдывающая действия митр. Сергия, состоит в том, что митр. Агафангела, даже в том случае, если бы он и не отказался от исполнения обязанностей Патриаршего Местоблюстителя, передаваемых ему митр. Петром, нельзя было бы признать законным Местоблюстителем. Такое утверждение вытекает из отношения митр. Агафангела к правам митр. Петра. Митр. Агафангел, как нам уже известно, отстаивая свои права на Местоблюстительство, в беседе с митр. Сергием определенно заявил, что митр. Петр, после того как он передал свои обязанности коллегии, уже не имеет никакой власти на управление Церковью, т. е. митр. Петр, по утверждению митр. Агафангела, фактически уже не Местоблюститель. Отсюда, следовательно, по внутреннему принципу отрицания Местоблюстительских прав за митр. Петром, для митр. Агафангела не могло быть никакого восприятия обязанностей и власти от того, в ком он канонически отрицал эти (Местоблюстительские) принадлежности... По принципу он (митр. Агафангел) действовал уже как раскольник.

Это, собственно, и было определено митр. Сергием и положено им в основание своих мероприятий против митр. Агафангела. Этим актом митр. Сергей открыто заявил, что митр. Петр, находясь вдали от церковных дел, не может передавать своей власти кому-либо другому, ибо этим вносилось бы в церковную жизнь хаотическое начало¹. Его решение было поддержано православным епископатом.

Итак, действия митр. Сергия, если и были несогласными с резолюцией митр. Петра, тем не менее они основывались всецело на каноническом праве, в то время как стремление митр. Агафан-

¹ Елевферий митр. Соборность Церкви, стр. 53.

гела встать за руль церковного управления, при всей видимой законности, внутренне было чуждо канонического оправдания.

Права митр. Сергия, как Заместителя, были подтверждены не-много спустя митр. Петром его условной резолюцией на имя митр. Агафангела от 9 июня 1926 года.

Интересно, что сам митр. Агафангел, хотя и отказался добровольно от Местоблюстительских прав в пользу митр. Сергия, однако он далеко не оправдывал пребывания последнего у кормила высшего управления и только ради церковного мира находился с ним в молитвенно-каноническом общении до времени.

Дело Ярославского митр. Агафангела с отказом его от Местоблюстительских прав не закончилось. Оно с еще большей силой, но уже в новой форме вспыхнуло снова в конце 1927 года.

Главной причиной этой вспышки явилось недовольство ярославской группы архиереев принятым митр. Сергием церковным курсом через издание «декларации» от 16/29 июля 1927 г., в котором ярославская группа архиереев усмотрела измену Православию.

Посмотрим, как развивались и чем закончились события этого времени.

Митр. Агафангел, после того как добровольно отказался от Местоблюстительства, остался правящим архиереем Ярославской епархии. Свой отказ от вышеуказанного права он хотя и мотивировал слабым состоянием своего здоровья, однако это была только косвенная причина. В действительности же он отказался исключительно ради церковного мира, как об этом ясно свидетельствует его телеграмма на имя митр. Сергия от 11/24 мая. И ради этого мира он признал за необходимость быть в молитвенно-каноническом общении и иерархическом подчинении митр. Сергию. Митр. Агафангел считал, что митр. Сергей, по сравнению с ним как более молодой, энергичный и мудрый иерарх, лучше и надежнее сумеет провести корабль Русской Церкви среди церковных бурь к тихой пристани. Этим он успокаивал себя и оправдывал в какой-то степени стояние у кормила церковного управления митр. Сергия.

Но события церковной жизни, быстро сменявшиеся одни другими, отрицательно повляли на митр. Агафангела и на его убеждения.

Учрежденный митр. Сергием весной (25 мая) 1927 г. Временный Патриарший Синод и намеченный им курс церковной политики, указанный в «декларации» от 16/29 июля того же года, изменили взгляды митр. Агафангела на деяния и опытность митр. Сергия. Если до этого момента он признавал незаурядный талант митр. Сергия и надеялся на положительный исход его деяний, направленных к спасению Церкви, то теперь все это приняло совершенно иной вид. В его мышлении всякие церковные мероприятия Заместителя, как-то: учреждение Врем. Патриаршего Синода, издание декларации, перевод архиереев из одной епархии в другую

без согласия паствы и т. п. — преломлялись как отступление от церковных канонов и от свободы Церкви.

При таком положении деяний Заместителя он считал небезопасным и для себя, и для ярославской паствы свое дальнейшее пребывание в административном подчинении митр. Сергию. Внутренний протест против Заместителя Патриаршего Местоблюстителя все более и более нарастал. К осуществлению этого протеста митр. Агафангел подходил очень осторожно. Он боялся своим быстрым, хотя и административным отходом внести в церковную жизнь какое-либо разделение. И потому он решил прежде всего обсудить этот весьма важный вопрос со своими vicaribus. А vicaribus у него тогда являлись всего три архиерея: архиеп. Угличский Серафим (Самойлович), архиеп. Варлаам (Ряшенцев), врем. упр. Любимским vicariatus, и еп. Ростовский Евгений (Кобранов). Все три vicaria отличались друг от друга разным характером и темпераментом, и у каждого из них был свой жизненный путь, приведший их к архиерейской кафедре.

Архиеп. Серафим (Самойлович) родился в 1885 году в Полтавской губернии. По окончании Полтавской духовной семинарии он принимает монашество и рукоположение в сан иеромонаха. В 1905 году, совершенно молодым — ему было тогда всего только 20 лет, его направляют миссионером в Северную Америку, где вместе с архиеп. Тихоном (впоследствии Патриархом) он трудится сначала в сане простого иеромонаха, а затем в качестве наместника Толгского монастыря над просвещением инородцев.

В 1915 году его назначают настоятелем Угличского Александровского монастыря, с возведением в сан архимандрита.

В течение пяти лет он управляет братией монастыря, подавая ей добрый пример и делом и словом.

Его незаурядные способности и твердость убеждений были оценены Святейшим Патриархом Тихоном, который нашел его достойным поставить на свещницу архиерейского служения, несмотря на то, что ему было тогда всего 35 лет.

2 февраля с. ст. 1920 года молодой архимандрит Серафим был хиротонисан во еп. Угличского, вик. Ярославской епархии.

В 1924 году Патриарх Тихон возводит его в сан архиепископа. Как стойкого в православии иерарха с неподкупной совестью митр. Иосиф (Петровых) в своем распоряжении от 25 ноября (8 дек.) 1926 г. ставит его в число своих преемников¹, а когда митр. Сергей был лишен возможности исполнять свои обязанности, архиепископ Серафим становится временно Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и с 30 ноября 1926 г. по 27 марта 1927 г. управляет Русской Церковью. Когда митр. Сергей получил возможность снова исполнять свои обязанности, то он передал ему

¹ Послание еп. Серафима. Урал. Церк. вед., 1928 г. № 3—4, стр. 15. Примечан. В Урал. Церк. вед. архп. Серафим значится епископом. (Это ошибочно). Он был уже архиеп. до своего вступления в обязанности Замест. Патр. Местоблюстителя. См. Обращение митр. Сергия к Упр. Моск. епарх. от 11/24 мая 1926 года.

права Заместителя, а сам остался архиеп. Угличским¹. Таков был один из викариев митр. Агафангела.

Другой, временный викарий, управляющий Любимским викариатством с конца 1927 г. архиеп. Варлаам, в мире Виктор Ряшенцев, родился 8 июня 1878 года в купеческой семье Тамбовской губернии. Окончив в 1896 году Тамбовскую классическую гимназию, он поступает в число студентов первого курса Казанской духовной академии.

В 1900 году он заканчивает академию со степенью кандидата богословия и 29 сентября 1901 года определяется учителем русского и церковно-славянского языков в Уфимское духовное училище. С юных лет имея склонность к иночеству, молодой учитель в этом же году 8 октября принимает монашеский постриг с именем Варлаама, а 10 октября — рукоположение в сан иеромонаха. Постриг и рукоположение совершил над ним еп. Уфимский Антоний (Храповицкий).

5 марта 1902 г. иеромонах Варлаам был определен преподавателем основного, догматического и нравственного богословия в Уфимскую духовную семинарию, а в январе 1903 г. назначен инспектором той же семинарии. Кроме основных обязанностей по духовной школе, он выполнял благотворительные обязанности по надзору единоверческих церквей Уфимской епархии.

В августе 1906 г. он был переведен ректором в Полтавскую духовную семинарию с возведением в сан архимандрита.

В этой должности архим. Варлаам трудился до своей хиротонии во епископа. Он отличался вдумчивостью, осторожностью в действиях и обходительностью в обращении с людьми, чем и снискал к себе уважение как от своих сослуживцев, так от воспитанников и других лиц.

Ему было 34 года, когда Господу угодно было призвать его к архиерейскому служению². 13 января 1913 г. в С.-Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры архим. Варлаам был хиротонисан в еп. Гомельского, вик. Могилевской епархии. В его хиротонии, кроме митр. С.-Петербургского Владимира и других иерархов, принимал участие и архиеп. Финляндский Сергей (Страгородский)³. 3 сентября 1923 года он был переведен еп. Псковским.

Когда он был возведен в сан архиепископа, нам неизвестно. 13 июля 1927 г. его назначают архиеп. Пермским, где он пробыл всего несколько месяцев — 11 ноября в этом же году его уволили на покой, а в конце декабря 1927 г. он был временно назначен управляющим Любимским викариатством Ярославской епархии⁴.

¹ «Каталог Русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)», составленный А. М. Чебоксары, 1959 г., ч. VI, стр. 48.

² Приб. к «Церк. ведом.», 1912 г., № 48—49, стр. 1964. Церк. ведом., 1902 г., стр. 11—12, № 10, стр. 57.

³ Приб. к «Церк. ведом.», 1912 г., № 3, стр. 150.

⁴ «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)», ч. II, стр. 10.

Как иерарх он отличался твердым стоянием за Православие. Всякие попытки обновленцев склонить его на свой путь не увенчались успехом: он категорически отказался примкнуть к их движению.

По своим духовно-нравственным качествам он был смиренный монах, добрый и сердечный. Отличался духом старчества. Любил церковно-уставные службы.

Это был в полном смысле архиерей-подвижник.

Третий Ярославский vikарий был совершенно иного характера и темперамента.

Еп. Евгений (Кобранов) родился в 1891 году в Смоленской епархии. В 1912 г., по окончании Смоленской духовной семинарии, он поступает в число студентов Московской духовной академии, полный курс которой оканчивает в 1916 г. со степенью кандидата богословия. Его оставляют профессорским стипендиатом при академии. Одновременно он в течение года (1916—1917 гг.) слушает лекции на Восточном факультете Петроградского университета.

В конце 1917 г. Патриарх Тихон рукополагает его во священники в церкви 9-ти мучеников, что в Девятинном пер. г. Москвы.

В 1921 году еп. Палладий (Добронравов) совершает над ним иноческий постриг в Новоспасском монастыре, а после его кончины он определяется настоятелем указанного монастыря. В возрасте 35 лет от рождения он призывается на архиерейское служение.

14/27 марта 1926 г. в Нижнем Новгороде архим. Евгений был хиротонисан во еп. Муромского, вик. Владимирской епархии.

В его хиротонии принимали участие: митр. Нижегородский Сергей, еп. Переяславский Дамиан и еп. Васильсурский Макарий.

Это был далеко не смиренный архиерей; он отличался заносчивостью и своеобразием.

После своей хиротонии он неожиданно заявил митр. Сергию, что в Муром не поедет, а желает остаться в Москве.

«Зачем же Вы принимали назначение, наречение и хиротонию в Муромского, если не хотите ехать туда? — спросил его серьезно митр. Сергей. — За нарушение присяги Вас нужно сейчас же лишить архиерейства!»¹

Только после этого еп. Евгений смирился и отправился в Муром.

15 сентября 1927 г. его перевели еп. Балашовским, а 14 декаб. в том же году — еп. Ростовским, вик. Ярославской епархии².

Таков, собственно, жизненный путь и духовно-нравственная оценка трех Ярославских vikариев.

С ними-то и решил митр. Агафангел обсудить свой наболевший вопрос. Совещание состоялось в январе 1928 г. В нем принял непосредственное участие и митр. Иосиф (Петровых), как временно проживавший в Ростове Ярославском.

¹ Елевферий митр. Неделя в Патриархии. Париж, 1933 г., ч. II, стр. 124—126.

² «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957)», ч. III, стр. 6.

После всестороннего обсуждения создавшейся церковной обстановки и деяний митр. Сергия они остановились на таких решениях, которые, как им казалось, более всего соответствовали их целям и положению дел.

Каковы эти решения, мы ясно видим из официального документа, написанного ярославской группой к митр. Сергию 6 февраля (24 января) 1928 года.

Документ этот гласит так:

«ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,

**Высокопреосвященному Митрополиту Сергию,
Заместителю Патриаршего Местоблюстителя.**

Ваше Высокопреосвященство!

Хотя ни церковные каноны, ни практика Кафолической Церкви Православной, ни постановления Всероссийского Церковного Собора 1917—1918 гг. далеко не оправдывают Вашего стояния у кормила высшего управления нашею отечественною Церковью, мы, нижеподписавшиеся епископы Ярославской церковной области, ради блага и мира церковного считали делом своей совести быть в единении с Вами и иерархическом Вам подчинении. Мы ободряли и утешали себя молитвенным упованием, что Вы, с Божией помощью и при содействии мудрейших и авторитетных из собратьев наших во Христе — епископов, охраните церковный корабль от грозящих ему со всех сторон в переживаемое нами трудное для Церкви Христовой время опасностей и приведете его неповрежденным к спасительной пристани — Собору, который уврачует живое и жизнеспособное тело церковное от постигших его, по поущению Промысла Божия, недугов и восстановит надлежащий канонический порядок церковной жизни и управления.

Но заветные чаяния и надежды наши не сбылись. Мало того, мы видим и убеждаемся, что Ваша деятельность по управлению Церковью, чем дальше, тем в большей степени вызывает недовольство и осуждение со стороны многих и многих представителей православного епископата — смущение, осуждение и ропот в среде клира и широких кругов мирян.

Сознавая всю незаконность своего единоличного управления Церковью — управления, никаким соборным актом не санкционированного, Вы организуете при себе «Патриарший Синод». Но ни порядок организации этого «Синода», Вами единолично учрежденного и от Вас получающего свои полномочия, ни личный состав его из людей случайных, доверием епископата не пользующихся, в значительной части своей проявивших даже неустойчивость своих православно-церковных убеждений (отпадение в обновленчество и (один) в раскол беглопоповства), не могут быть квалифицированы иначе, как только явления определенно — противоканонические.

В своем обращении к чадам Православной Церкви от 29/VIII-1927 года Вы в категорической форме объявляете такую програм-

му Вашей будущей руководящей деятельности, осуществление которой неминуемо принесло бы Церкви новые бедствия, усугубило бы обдержажные ее недуги и страдания. По Вашей программе начало духовное и божественное в домостроительстве церковном всецело подчиняется началу мирскому и земному, во главу угла полагается не всемерное попечение об ограждении истинной веры и христианского благочестия, а никому и ничему ненужное угодничество «внешним», не оставляющее места для важнейшего условия устройства внутренней церковной жизни по заветам Христа и Евангелия — свободы, дарованной Церкви ее Небесным Основателем и присущей самой природе ее — Церкви.

Чадам Церкви и прежде всего, конечно, — епископату Вы вменяете в обязанность лояльное отношение к гражданской власти. Мы приветствуем это требование и — свидетельствуем, что мы всегда были, есть и будем лояльны и послушны гражданской власти: всегда были, есть и будем честными и добросовестными гражданами нашей родной страны; но это, полагаем, не имеет ничего общего с навязываемым Вами политиканством и заигрыванием и не обязывает чад Церкви к добровольному отказу от тех прав свободного устройства внутренней религиозной жизни церковного общества, которые даны ему самою же гражданской властью (избрание общинами верующих духовных руководителей себе).

На место возвещенной Христом внутрицерковной свободы Вами вводится административный произвол, от которого много потеряла Церковь и раньше. По личному своему усмотрению Вы практикуете бесцельное, ничем не оправдываемое перемещение епископов — часто вопреки желанию их самих и их паствы, назначение vikариев без ведома епархиальных архиереев, запрещение неугодных Вам епископов в священнослужении и т. д.

Все это и многое другое в области Вашего управления Церковью, являясь, по нашему глубокому убеждению, явным нарушением канонических определений Вселенских и Поместных Соборов, постановлений Всероссийского Собора 1917—1918 гг., и усиливая все более и более нестроения и разруху в церковной жизни, вынуждает нас заявить Вашему Высокопреосвященству: Мы, епископы Ярославской церковной области, сознавая лежащую на нас ответственность пред Богом за вверенных нашему пастырскому руководству духовных чад наших и почитая священным долгом своим всемерно охранять чистоту святой православной веры и завещанную Христом свободу устройства внутренней религиозно-церковной жизни, в целях успокоения смущенной совести верующих, за неимением другого выхода из создавшегося рокового для Церкви положения, отныне отделяемся от Вас и отказываемся признавать за Вами и за Вашим Синодом право на высшее управление Церковью. При этом добавляем, что мы остаемся во всем верными и послушными чадами Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви; неизменно пребываем в иерархическом подчинении Местоблюстителю Патриаршего Престола Высокопреосвященному Петру, Митрополиту Крутицкому и чрез него сохраняем канони-

ческое и молитвенное общение со всеми Восточными Православными Церквями. Оставаясь незыблемо на таком твердом основании, мы будем управлять Ярославской церковной областью и руководить своими паствами в деле угождения Богу и душевного спасения **САМОСТОЯТЕЛЬНО** — в строгом согласии с Словом Божиим, с общецерковными канонами, правилами и преданиями, с постановлениями Всероссийского Собора 1917—1918 гг., с неотменными распоряжениями Высшей Церковной Власти предсоборного периода, а также с распоряжениями Святейшего Патриарха Тихона, его Синода и Совета.

Настоящее наше решение останется в силе впредь или до сознания Вами неправильности Ваших руководственных действий и мероприятий и открытого раскаяния в Ваших заблуждениях, или до возвращения к власти Высокопреосвященного Митрополита Петра.

Агафангел, — митрополит Ярославский.

Серафим, — архиеп. Угличский, вик. Ярославской епархии, б. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя.

Митр. Иосиф, — 3-й из указанных Патриаршим Местоблюстителем заместителей.

Архим. Варлаам — (б. Пермский) врем. упр. Любимским викариатств. Смиренный Евгений, еп. Ростовский, вик. Ярославской епархии.

6/II-1928 г.»¹

Главные мотивы, которыми руководились в своем отходе ярославские архиереи, настолько ясны, что вряд ли нуждаются в каком-либо особом изъяснении. Однако заметим, что эти мотивы ни в какой мере не могли служить достаточным основанием к отделению от первоиерарха, на что, как увидим, с особой силой указывал им митр. Сергей. Нам важно сейчас само решение, к которому пришли указанные иерархи.

Как видно из документа, они остановились на следующем:

1) в целях успокоения своей совести верующих отделиться от митр. Сергия, не признавая за ним и Патриаршим Синодом права на высшее управление Церковью;

2) чтобы вести свою паству к спасению, — управлять Ярославской церковной областью самостоятельно.

Силу этого решения они ограничили либо раскаянием в своих заблуждениях митр. Сергия, либо возвращением к власти митр. Петра Крутицкого.

Из приведенного выше акта не ясен, однако, один вопрос: отделились ли ярославские иерархи от молитвенно-канонического общения с митр. Сергием или же нет?

Исходя из того, что они отказались признавать за митр. Сергием право на высшее управление Церковью без упоминания о каноническом разрыве с ним, можно утверждать, что они огра-

¹ Архив М. М., № 45.

ничии свой отход только в административно-подчиненном отношении. Но в то же время ссыла на то, что они, находясь в иерархическом подчинении митр. Петру, чрез него сохраняют каноническое и молитвенное общение с Восточными Православными Церквами, дает некоторое основание утверждать, что они отделились в какой-то степени и от молитвенно-канонического общения с митр. Сергием.

В акте-документе явно существует небольшая недоговоренность, что впоследствии, как мы увидим, устранили особым письмом ярославские иерархи.

Какие же, собственно, мотивы привели к такому решению митр. Агафангела и его викариев?

Как нам уже известно, митр. Агафангел свой отказ от местоблюстительских прав мотивировал заботой о церковном мире. Он не желал вносить в церковную жизнь какого-либо разделения. Очевидно, этот мотив руководил ими в данном решении.

Ясно, конечно, что митр. Агафангел, смотревший на церковные события под углом зрения синодального периода и народной психологии и видя возникавшее смущение среди своей паствы, не мог не смутиться и сам от предпринятой митр. Сергием церковной политики и не вызвать в своем сердце чувство самосохранения, самоограждения от влияния этой политики.

Но он, однако, боялся раскола, боялся смутить совесть верующего человека новым каким-либо разделением, и в то же время он боялся, по его мнению, отрицательного влияния на него и на ярославскую паству новой политики митр. Сергия.

При такой ситуации дел он избрал нечто среднее: не создавать раскола, но, не порывая молитвенно-канонического общения с Заместителем, выйти на время из административного подчинения митр. Сергию и управлять Ярославской церковной областью самостоятельно. А чтобы не быть оторванным от общего организма церковного посредством административного разрыва с Заместителем, он признал над собой иерархическую власть митр. Петра как Патриаршего Местоблюстителя и чрез него каноническое и молитвенное общение с Восточными Церквами.

Вставши на этот путь, он расположил к этому и своих викариев, выразивших свое полное согласие с его мнением.

Конечно, и митр. Агафангел, и его викарии были неправы. Они не учли весьма важного момента, что административный разрыв с Заместителем неминуемо вел к разрыву молитвенно-каноническому и, следовательно, к расколу. И как бы они ни старались оправдать свой шаг и доказать, что они раскола не учиняют, а только стремятся морально воздействовать на митр. Сергия, факт остается фактом — отход от первоиерарха, по смыслу церковных канонов, есть уже раскол.

В общем совете с ярославскими викариями и с митр. Иосифом (Петровых), на котором был выработан акт отхода, было постановлено, чтобы в Ярославской церковной области не изменять никаких церковных порядков и, для сохранения мира, не принимать

в общении с собой никого из других епархий: ни епископов, ни клириков, ни мирян, а отсылать таковых непосредственно к митр. Сергию.

Обсудив окончательно и всесторонне свое решение, они направили свой акт митр. Сергию.

Вместе с актом архиеп. Угличский Серафим (Самойлович) считал нужным препроводить на имя Заместителя братское, увещательное письмо.¹

Письмо характерно в том отношении, что в нем, с одной стороны, раскрывается взгляд отдельных иерархов на взаимоотношение Церкви и Государства, к урегулированию которого (взаимоотношения) приступил митр. Сергей, а с другой — вскрывается самый характер отношения ярославских архиереев к тяжелым переживаниям митр. Сергия, связанных с управлением Церковью.

Письмо архиеп. Серафима фактически являлось как бы дополнением к акту, но только с иной стороны. Если акт официальным языком трактовал только о главных причинах, побуждавших ярославских иерархов к отделению от Заместителя, и не затрагивал вопросов покаяния митр. Сергия, то письмо архиеп. Серафима направлялось к самому сердцу и уму митр. Сергия и имело своей целью морально воздействовать на последнего. Тон письма, как видим, сострадательно-увещательный. При своем отрицательном отношении к новой политике Заместителя, они все-таки нашли в своем сердце и жалость к митр. Сергию и в духе этой жалости действовали на последнего.

Итак, акт об отделении от Заместителя с приложением письма архиеп. Серафима был направлен митр. Сергию.

Последний, когда получил этот документ, явно пришел в смущение. Отход митр. Агафангела от него был крайне нежелательным не только для самого митр. Сергия, но и для Русской Церкви. Митр. Сергей быстро и ясно оценил своим проницательным умом всю ту опасность для Церкви, которая могла последовать за уходом от канонической власти митр. Агафангела и его викариев. Не теряя времени, он, в целях предупреждения надвигающейся опасности, быстро созывает внеочередную сессию Временного Патриаршего Синода и на ней вместе с членами Синода обсуждает всестороннее заявление Ярославских архиереев. После общего решения вопроса, касающегося митр. Агафангела и его викариев, они пришли к такому выводу, что митр. Агафангел вступил на путь оппозиции против митр. Сергия и его Синода не по своему упорству против последних и не ради властолюбия, а исключительно по незнанию некоторых действительных сторон церковной жизни в условиях современного положения Русской Церкви.

Тогда они, не теряя надежды на положительный исход дела митр. Агафангела, решили послать к нему одного из членов Синода, который бы в личной беседе с ним объяснил ему действительное положение церковных дел и убедил бы его изменить свое решение об отходе от Заместителя. Миссию эту возло-

¹ Архив М. М., № 43.

жили на митр. Тверского Серафима (Александрова), которого и препроводили к митр. Агафангелу.

С ним митр. Сергей отправил на имя митр. Ярославского специальное письмо от 10 февраля н. ст. 1928 года, в котором убедительно просит митр. Агафангела не порывать с ним общения и потерпеть его (митр. Сергея) немощи «пока не выяснится с определенностью», куда они ведут церковный корабль: «к сравнительно ли сноскому существованию в данных условиях или к гибели»; стремятся ли они «к утверждению веры или же жертвуют ею ради личного благополучия». «Поверьте,—писал митр. Сергей,— что ни веры святой мы не предаем, ни от свободы церковной мы не отрекаемся и не намерены отречься. Мы только не закрываем глаза на ту обстановку, среди которой нам приходится действовать, и полагаем, что, как бы ни связывала нас эта обстановка, мы не можем оправдывать ею своей бездеятельности: мы должны действовать и делать то, что можем в данных условиях...

Итак, еще и еще раз прошу Вас: останьтесь с нами и не берите на свою ответственность столь тяжелого дела, как разрыв общения без достаточных к тому оснований»¹.

Тон самого письма мягкий, умоляющий и рассчитан, очевидно, не столько на разум, сколько на чувство.

Имел ли успех митр. Серафим в личной беседе с митр. Агафангелом и какое действие произвело на последнего письмо митр. Сергея и что на все это ответил митр. Агафангел, нам, за отсутствием данных, ничего неизвестно. Возможно, что и беседа митр. Серафима, и письмо Заместителя заставили в какой-то мере митр. Агафангела тщательно пересмотреть свои убеждения и внести в них соответствующие изменения.

Но письменного ответа, надо полагать, не последовало. И не последовало, вероятно, по следующей причине.

Спустя немного времени после беседы митр. Серафима с митр. Агафангелом, в жизни двух иерархов, подписавших акт отхода, а именно: архиеп. Угличского Серафима (Самойловича) и митр. Иосифа (Петровых) — произошли изменения: оба они в феврале 1928 года были удалены из Ярославской области, и первый поселился в Вуйническом монастыре г. Могилева, а второй — в Николо-Моденской обители, что в 35 верстах от г. Устюжны Новгородской губернии.

Это событие отрицательно сказалось на здоровье митр. Агафангела, и он, почувствовав в себе физическую слабость, решил на некоторое время замкнуть свои уста и никому ничего не отвечать.

Но в то время, когда митр. Агафангел находился в расслабленном состоянии, события церковные развивались своим чередом. Народная молва распространила слух, что митр. Иосиф (Петровых) как будто бы стремится объединить под своим гла-

¹ Архив М. М., № 2-й.

венством ярославскую оппозицию, на что якобы митр. Агафангел и его викарии изъявляют свое согласие.

Это дало повод митр. Сергию вновь созвать внеочередную сессию Синода, в которую вошел и архиеп. Курский Иувеналий (Масловский), и на ней вынести более строгое решение в отношении к отдельным личностям, допускавшим упорство в своих оппозициях.

14/27 марта состоялось постановление Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и Временного Патриаршего Синода о лишении кафедр, кроме иосифлянских епископов, архиеп. Серафима (Самойловича), архиеп. Варлаама (Ряшенцева) и еп. Евгения (Кобринова) с запрещением их в священнослужении¹.

Митр. Агафангела постановление Синода не коснулось. Члены Синода решили еще раз послать к нему своего представителя и предложить ему пересмотреть свое заявление.

На этот раз к митр. Агафангелу был уполномочен архиеп. Вятский Павел (Борисовский). С ним митр. Сергей направил для вручения Ярославскому митрополиту письмо*, в котором указывал, что «движение», поднятое в Церкви посланием Ярославской группы, принимает все признаки раскола и задается целью объединить оппозицию под главенством раздраженного митр. Иосифа, и в заключение просил его (митр. Агафангела) пересмотреть вопрос об отложении от него (митр. Сергия) и Синода².

В намеченное время архиеп. Павел явился к митр. Агафангелу и вручил ему письмо от митр. Сергия. Он взял письмо и с чувством глубокого волнения прочитал в нем написанное. Содержание явно не соответствовало ни его настроению, ни тем целям, которые он и его викарии преследовали своим заявлением. Он ни в какой мере не мог согласиться с тем обвинением, которое возводил на него митр. Сергей, и особенно с тем, в котором указывалось на стремление Ярославской группы объединить оппозицию под главенством раздраженного митр. Иосифа [с. 174]. Последнее не одобрялось Ярославскими иерархами, как не отвечающее их целям. Прочитав письмо, он обратился к архиеп. Павлу и попросил его обстоятельно изложить точку зрения как самого Заместителя, так и его Синода.

Архиеп. Павел не замедлил выполнить просьбу митр. Агафангела и изложил пред ним принципиальную сторону основного вопроса.

С своей стороны митр. Агафангел высказал архиепископу свое полное несогласие по поводу первой части письма митр. Сергия, но зато по вопросу принципиальному он изъявил намерение пересмотреть свое заявление, но при участии тех лиц, которые составляли решение. На этом, собственно, и закончилась беседа архиеп. Павла с митр. Агафангелом.

¹ Письмо еп. Маиуила (Лемешевского) к матуш. Серафиме от 15/28 марта 1928 года. Архив М. М., № 34.

* Письмо это, к сожалению, не сохранилось.

² См. Письмо митр. Агафангела к митр. Сергию от 25 марта (7 апр.) 1928 года. Архив М. М., № 48.

Содержание этой беседы в краткой форме митр. Агафангел повторил в своем ответном письме от 25 марта (7 апреля) 1928 г. митр. Сергию¹.

Итак, беседа архиеп. Павла и увещания митр. Сергия положительно повлияли на митр. Агафангела. Принципиально, хотя и с некоторыми условиями, последний согласился пересмотреть свое решение.

Когда митр. Сергей получил письмо от митр. Агафангела, то в нем зародилась надежда на благой исход возникших между ним и митр. Агафангелом недоразумений, и, в целях окончательного склонения Ярославского митрополита, он в начале апреля 1928 г. обращается к нему с письмом такого содержания:

«Высокопреосвященнейший Владыко!

Выраженное Вашим Высокопреосвященством согласие пересмотреть вопрос об административном разрыве со мною внушило мне надежду на благоприятный исход возникших между нами недоразумений, и в этой надежде я решаюсь еще раз обратиться к Вам с усердной просьбой о названном пересмотре. При этом я не могу скрыть своих опасений, что церковный суд, следуя канонам, вынужден будет дать выступлению Вашей группы несколько иную оценку сравнительно с той, какую даете этому выступлению Вы сами.

Ваше Высокопреосвященство утверждает, что раскола Вы учинять не намерены, так как «отделяетесь не по разномыслию и вере, а только в порядке административного управления». Но, по мысли канонов, расколом называется именно разделение не из-за веры, а из-за вопросов, «допускающих врачевание» или же из-за нежелания подчиниться распоряжению законной церковной власти («самочинное соборище»). Что же касается сохранения молитвенного общения при административном разрыве, то можно весьма сомневаться даже в том, возможны ли вообще или, точнее, канонически законны ли такие отношения между двумя архиереями, принадлежащими к одной и той же Поместной Церкви и признающими над собой одного и того же духовного главу «первого епископа». Но, если такие отношения и возможны где-либо фактически, то только между архиереями, административно друг от друга независимыми и не связанными друг с другом никакими обязательствами. Между тем, по распоряжению нашего «первого епископа», я имею тяжкий долг заменять его; несу все его обязанности по управлению Русской Церковью и потому имею право ожидать от своих собратий-епископов того же канонического послушания, - каким они обязаны по отношению к самому «первому епископу». Объявить себя состоящим в послушании первому епископу и в то же время административно порвать с Заместителем, которого первый епископ поставил, значило бы противоречить самому себе. — «Приемляй аще кого послю, Мене приемлет» (Ин.

¹ Архив М. М., № 48.

XIII, 20) и наоборот, — это общий закон, не допускающий исключения.

Таким образом, административный разрыв со мною — Заместителем первого епископа Русской Церкви не может быть признан деянием безразличным для епископа той же Церкви, а будет несомненно оценен с канонической точки зрения как отказ в послушании первому епископу. А такой отказ не считается по канонам наказуемым только в том случае, когда первый епископ всенародно начнет проповедовать заведомую ересь. Вот почему митрополит Иосиф и его достойные сотрудники истощают свои силы, стараясь подвести мои административные действия (охотно допускаю, небезошибочные) под понятие ереси; обвиняют меня в предательстве (традиторстве), и в поругании Церкви, и в отречении от Христа, от Бога и, наконец, от вечного спасения, что де еще хуже ереси. Но чем ужаснее обвинения, чем чудовищнее делаемые из них выводы, тем настоятельнее требуется их фактическая проверка, притом не любителями-добровольцами, а вполне компетентным и авторитетным органом церковного суда — Собором епископов. Разрыв же общения со мною раньше приговора такого Собора, из-за каких-либо неправильных административных распоряжений, тем более без фактической проверки, на основании народной молвы, искусственно муссируемой, — канонически будет определяться как раскол, со всеми указанными в церковных канонах последствиями для учителей его.

Ввиду всего этого, я с особой радостью приветствую Вашу готовность пересмотреть заявление от 6-го февраля и усерднейше прошу Вас не медлить с этим пересмотром. Ваше решение порвать с расколом и оставаться в административно-молитвенном общении с православной нашей иерархией, несомненно, возвратит к Церкви многих соблазненных и, наоборот, если Вы останетесь в расколе, это послужит причиной закоснения в нем многих, привыкших идти за другими.

Что касается возвращения в Ярославль архиепископа Угличского Серафима, то об этом мною уже возбуждено ходатайство. Но я прошу Вас не ставить этого возвращения непременно условием пересмотра. Не от Вас зависело удаление архиеп. Серафима, не в нашей воле и его возвращение.

Нельзя же решение вопроса такой обще-церковной важности ставить в зависимость от обстоятельств второстепенных и более или менее случайных. Личную беседу с архиеп. Серафимом легко заменить перепиской. Да если бы архиеп. Серафим был и против пересмотра, это не может быть оправданным для других; каждый отвечает перед Богом и Церковью за себя. Я же позволяю себе думать, что архиеп. Серафим, подписавший заявление вслед за Вами, еще с большей готовностью последует за Вами в Вашем решении исправить допущенное.

Испрашивая Ваших молитв и всю душу желая вместе с Вами единым сердцем и устами прославить Воскресшего Господа,

остаюсь Вашего Преосвященства покорнейший слуга и брат
о Христе

Митрополит Сергей». ¹

В письме, как видим, митр. Сергей останавливает свое внимание на двух моментах: на том, что молитвенно-канонического общения с первоиерархом при административном с ним разрыве не может быть и что этот разрыв, с точки зрения церковных канонов, рассматривается только как раскол, подлежащий церковному осуждению.

Характерно, что Заместитель, указывая митр. Агафангелу на его принадлежность к расколу, не угрожает ему отлучением, а только предупреждает о той опасности, в которой находится митрополит Агафангел, и о том вреде для Русской Церкви, который может произойти от разделения.

Письмо от начала до конца проникнуто братской любовью Заместителя к заблудшему иерарху.

Как же отнесся ко всему этому митр. Агафангел?

Факты свидетельствуют, что ни он, ни оставшиеся с ним два его викария — архиеп. Варлаам и еп. Евгений — не согласились с доводами митр. Сергия. Они целиком отрицали свою принадлежность к расколу, признавая свой разрыв с первоиерархом только как административный, но не более. Но не соглашаясь с основными доводами Заместителя, они все-таки согласились пересмотреть свое решение и оповестить об этом митр. Сергия.

10 мая 1928 года после обсуждения письма Заместителя они направили митр. Сергию краткое ответное письмо такого содержания:

«Ваше Высокопреосвященство,
Милостивейший Архипастырь!

В разъяснение нашей декларации от 6 февраля с. г. и в дополнение к письмам митр. Агафангела на имя Вашего Высокопреосвященства, находим нужным сказать следующее:

1. Мы до сих пор не прерывали и не прерываем нашего молитвенного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя митр. Сергием.

2. Никакого раскола мы не желаем учинять и не учиняем.

3. Никаких новшеств в церковной жизни нашей епархии не вводили и не вводим.

4. Принципиально власть Вашу, как Заместителя, не отрицаем.

5. Распоряжения Заместителя, смущающие нашу и народную религиозную совесть и, по нашему убеждению, нарушающие церковные каноны, в силу создавшихся обстоятельств на месте, исполнять не могли и не можем.

6. Всех обращающихся к нам иноепархиальных епископов, клириков и мирян, с просьбой возглавить их и принять в молитвенное и каноническое общение, мы не отторгали и не отторгаем от

¹ Архив М. М., № 47.

единства церковного, а, внося мир, направляли их непременно к Вашему Высокопреосвященству и Синоду, предварительно, насколько возможно, успокоив их смущенную религиозную совесть.

Да послужат эти наши разъяснения, при помощи Божией ко благу и миру церковному.

Испрашивая Ваших святительских молитв, с совершенным почтением и истинною о Христе любовью остаемся Вашего Высокопреосвященства покорные слуги:

Агафангел, митрополит Ярославский,
Архиеп. Варлаам, управляющий Любимским викариатством,
Смиренный Евгений, епископ Ростовский, викарий
Ярославской епархии.

10 мая 1928 г.
г. Ярославль»¹.

В приведенном обращении, хотя и говорится, что они молитвенно-канонического общения с Заместителем не прерывали и не прерывают и принципиально не отрицают за ним власти как первоиерарха, но уже одно то, что они не могли и не могут исполнять его распоряжений, смущающих, по их понятию, религиозную совесть, свидетельствует о том, что ярославские иерархи фактически остались при своих убеждениях и ничего нового не добавили к ранее уже высказанному ими.

Как воспринял это письмо митр. Сергей, нам ничего неизвестно, однако тот факт, что он снова должен был послать к митр. Агафангелу своего представителя, дает некоторое основание утверждать, что митр. Сергей оценил это письмо как шаг Ярославской группы к примирению, и для того, чтобы восстановить единение, он спешно направляет к митр. Агафангелу архиепископа Иувеналия (Масловского) и прот. Владимира (Воробьева) — настоятеля церкви Николая на Арбате в Москве.

Оба они отличались задушевностью и умением благотворно влиять на людей.

Получив от Заместителя напутствие, они явились к митр. Агафангелу как благовестники мира. Последний чувствовал себя не совсем здоровым, но тем не менее он принял архиеп. Иувеналия и его спутника прот. В. Воробьева.

Между ними состоялась душевная беседа, которая окончательно расположила митр. Агафангела к полному примирению с митр. Сергием. Это произошло 3/16 мая 1928 года².

Многие из тех, кто хорошо знал настроение митр. Агафангела, с недоверием отнеслись к этому факту и, конечно, своим скептическим отношением к происшедшему смущали совесть малодушных.

Мы располагаем одним документом — рапортом одного протоиерея на имя Кубанского епископа Феофила (Богоявленского), в котором подтверждается как наличие допускаявших недоверие к факту, так и действительность происшедшего примирения.

¹ Архив М. М., № 2.

² «Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897—1957 гг.)», составленный А. М. Чебоксары, 1959 г., кн. 1, стр. 17.

Вот как сообщал в своем рапорте об этом упомянутый протоиерей:

«Его Преосвященству, Преосвященнейшему Феофилу,
Епископу Кубанскому и Краснодарскому.

Протоиерея Воскресенской г. Майкопа
церкви Сергия Молчанова.

Р а п о р т.

Вследствие того, что многие отнеслись с недоверием к тому, что М. Агафангел воссоединился с М. Сергием, я, желая доказать правоту сего, запросил М. Агафангела телеграммой, на что он дал мне определенный ответ.

Вот копии этих телеграмм:

«Ярославль Митрополиту Агафангелу»

Правда ли что соединились канонически Митрополитом Сергием.

Протоиерей Молчанов.

Ярославль № 43, 23-го 14 час.

«Майкоп Протоиерею Молчанову»

Верно. Митрополит Агафангел.

Верно: Протоиерей Молчанов С.»¹

Очевидно, некоторым, вследствие отрицательного отношения к митр. Сергию, не хотелось, чтобы это примирение состоялось, поэтому они и допускали недоверие.

Но факт сам по себе уже совершился и положительно сказался на жизни Русской Церкви.

Вслед за митр. Агафангелом примирились и три его Ярославских викария: архиеп. Серафим, архиеп. Варлаам и еп. Евгений.

Сам митр. Агафангел недолго прожил после этого события: ровно через пять месяцев со дня примирения 3/16 октября 1928 г. он мирно скончался в г. Кинешме б. Костромской области.

Давая историческую оценку Ярославскому расколу, мы можем сказать, что он большого влияния как на епископат, так и на простую паству не имел. Это был иерархический раскол, носивший в себе чисто местный характер: дальше Ярославской области он не распространялся. Свое официальное существование он продолжил всего лишь несколько месяцев с 6 февраля по 3/16 мая 1928 года.

КАНОНИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ЯРОСЛАВСКОГО РАСКОЛА

Ярославские иерархи, как нам известно, официальным актом отказались признавать над собой административную власть Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и образовали в своей епархии автономию или т. н. «Ярославскую Церковную Область». Этот-то момент отделения мы и рассмотрим с точки зрения церковных правил.

¹ Архив М. М., № 12.

Не затрагивая глубоко самого существа ярославского раскола, мы определенно можем сказать, что отделение ярославских иерархов от первоепископа страны является нарушением церковных правил.

Нельзя было, выставляя причиной своего отхода исключительно церковно-административные ошибки митр. Сергия, отделяться от последнего. Необходимо было ожидать соборного решения о деятельности Заместителя и только тогда определять свое окончательное отношение к первоиерарху. Ярославские же архиереи этого не сделали. Они до соборного суда допустили административный разрыв с митр. Сергием и тем самым нарушили 14 и 15 пр. Двукрат. Конст. Собора.

Нарушение указанных выше правил вело к низвержению из священного сана. Однако сила действия этих правил распространилась не на всех архиереев, участвовавших в Ярославском расколе, а только на трех епископов.

Митрополит Агафангел не был запрещен, а потому его распоряжения, как епархиального архиерея, и священнодействия имели благодатную силу.

Более подробно о каноническом значении Ярославского раскола раскрыто в письме митр. Сергия к митр. Агафангелу от апреля 1928 г. (См. стр. 175—177 настоящего сочинения).
